

Р. В. Шиженский, О. С. Тютина

Самоидентификация славянских язычников: социальный портрет, государство и образ лидера (по данным полевых исследований)

Шиженский

Роман Витальевич,

кандидат исторических наук, доцент,

Нижегородский государственный педагогический университет

им. К. Минина

(Нижний Новгород, Россия)

Тютина

Ольга Сергеевна,

аспирант,

Нижегородский государственный педагогический университет

им. К. Минина

(Нижний Новгород, Россия)

В настоящее время, в период бурного развития новой религиозности, определенная часть исследовательского сообщества обратилась к изучению современных проявлений языческих верований славянских народов. Предметом научной рефлексии становится изучение отдельных сторон функционирования языческих лидеров, социально-политический «портрет» ряда российских «родноверческих» групп. При этом, как правило, вне рассматриваемого поля остается исследование мировоззренческих особенностей рядовых прозелитов данной диаспоральной группы. Также стоит отметить тот факт, что, несмотря на возрастающий интерес социологического сообщества к изучению религиозного сектора российской культуры, основной упор идет на изучение конфессиональных религий. Сегодня на повестку дня выходят вопросы, связанные с поиском мировоззренческих ориентиров адептов, путем вычисления таких показателей, как доля воцерковленных, регулярность в соблюдении ритуалов и религиозных действий¹. Стали проводиться опросы среди непосредственно целевой аудитории — прихожан религиозных учреждений². Однако, несмотря на растущий интерес к онто-гносеологическому компоненту современной религиозности, преобладающее большинство исследований имеет православно-ориентированный характер, что объясняется количественным преобладанием именно последователей данной религиозной традиции на территории

современной России. В свою очередь, языческий компонент, по данным исследования, составляет чуть более 1 %³.

В предлагаемой статье на основании данных анкетного опроса членов общин, язычников-индивидуалов, авторы анализируют религиозную и организационную самоидентификацию, перспективы и формы взаимодействия «родноверов» с государственными институтами, функциональный образ «младоязыческих» лидеров.

Третий год подряд представители научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина проводят анкетный опрос среди представителей русских языческих общин и союзов, собирающихся на праздник Купалы в районе села Игнатъевское Малоярославецкого района Калужской области. По данным организаторов праздника «Содружества общин "Велесов Круг"», в мероприятии 2015 г. (19–21 июня) приняло участие около 1400 человек.

Опросный лист 2015 г. состоял из пяти вопросных блоков, содержащих как открытые, так и закрытые вопросы. В статье рассматриваются некоторые особенности данных блока № 1, нацеленного на раскрытие «социального портрета» рядовых языческих прозелитов и сочувствующих движению, и вопросы блока № 2, обращенного к теме языческой институционализации. В анкетировании 2015 г. приняли участие 429 респондентов. Полностью отказались от заполнения опросного листа 38 человек, из них мужчин — 24, женщин — 14.

Первый блок анкеты 2015 г. состоял из восьми вопросов, цель которых заключалась в получении личных данных респондентов. Настоящий блок условно обозначен нами как «фактологический». Наибольший интерес из вопросов первого блока представляет анализ открытого вопроса № 7. Респондентам предлагалось охарактеризовать свои религиозные взгляды. Данный вопрос поставил в затруднение 11,2 % язычников (соответственно, на него не дали ответа 48 респондентов). Наиболее популярным среди представителей данной диаспоры стал вариант самоназвания «родноверие»: за него отдали голоса 111 респондентов, что составило 25,9 %. На втором месте по популярности дефиниция «язычник» — так ответили 110 респондентов (25,6 %)⁴. Тридцать два из 429 респондентов отождествляют свое мировоззрение с атеистическим (7,5 % опрошенных). Сто двадцать восемь опрошенных (29,8 %) предложили иные варианты ответов. Среди последних особо интересны, на наш взгляд, нижеследующие: православный (16 человек / 3,7 %)⁵, агностик (11 человек / 2,56 %), христианин (8 человек / 1,86 %), традиционалист (5 человек / 1,16 %), ведизм, шаманизм, космизм (по 3 ответа), природная вера, реалист, пантеист, буддист, анимист, космополит, славянин, верю в бога (по 2 ответа). В число единичных ответов попали: анархист (анкета № 427), русский чернокнижник (анкета № 208), пастафарианец (анкета № 205)⁶, материалист (анкета № 17), одинист (анкета № 266), вотанист (анкета № 284),

последователь Нью Эйдж (анкета № 97), шиваист (анкета № 82), гностик (анкета № 78), хаогностик (анкета № 262), ведун (анкета № 282).

Вопрос, связанный с терминологией современной вариации русского язычества, в настоящее время весьма далек от разрешения как в среде носителей, так и в научных кругах, изучающих данное мировоззрение⁷. Однако в последнее время отстаиваемая частью языческой диаспоры дефиниция «родноверие» входит и в научный оборот, составляя конкуренцию отторгаемому частью языческого сообщества термину «неоязычество»⁸. Понятие «родноверие» и производное от него самоназвание «родноверы» имеет весьма неоднозначную историю происхождения. Согласно точке зрения Г. С. Лозко (волхвини Зореславы), руководителя «Объединения родноверов Украины», дефиниция «родноверие» является лишь абстракцией, научной формой термина «родная вера». Впервые понятие «ридна вира» использовал в своих религиозных исканиях основоположник современного украинского язычества В. Шаян в начале прошлого столетия. Практически в то же время «родная вера» — «родзима вяра» — стараниями Я. Стахнюка входит и в польский «языческий лексикон»⁹. Следует отметить, что на страницах Интернет-форумов встречается версия польского происхождения данного термина — «Родзима Вяра» (Rodzima Wiara), появление которого относится к XIX столетию. Кроме того, один из участников дискуссии считает, что русский вариант понятия «родноверие» появился в России в результате посредничества украинских язычников. Польская «Rodzima Wiara» — украинская «Ридна Вира» — российское «Родноверие»¹⁰.

Иную версию происхождения термина предлагает волхв рязанской языческой общины «Троесвет» Богумил (Б. А. Гасанов). Он считает, что начало родноверию было положено в 1997 г. во время создания Союза Славянских Общин. Благодаря активной позиции Богумила, в название была добавлена еще одна часть — Славянской Родной Веры. Как отмечает духовный глава «Троесвета», данный шаг был сделан для конкретизации этнической и религиозной составляющей будущего союза. Однако Б. А. Гасанов признает, что при создании термина ориентировался на польскую традицию. Трансформация «родной веры» в дефиницию «родноверие», по мнению Богумила, произошла на рубеже миллениума. Ввел термин в современную русскую языческую среду волхв общины «Родолюбие» Велеслав (И. Г. Черкасов)¹¹.

Таким образом, при рассмотрении вопроса терминологии данного мировоззренческого феномена XX–XXI вв. стоит обратить внимание на то, что термин «родноверие», используемый в качестве самоназвания и выступающий зачастую в роли контрадикторного по отношению к иным дефинициям (в частности к «неоязычеству»), претерпел определенную семантическую трансформацию, обретая черты экзоэтнонима новой религиозности. Сокращение доли респондентов, использующих данную дефиницию в качестве самоназвания, может свидетельствовать в пользу ее вытеснения из узко языческих кругов на научный уровень¹².

Возможное объяснение значительного процента респондентов, выбравших в качестве ответа вариант «атеизм», может заключаться в нарушении причинно-следственных связей ("non sequitur"). То есть: нетеистическая позиция может быть трактована «атеистически». Одна из форм пантеизма — растворение божественного в натуралистическом, достаточно близка в своем отрицании персонифицированного божества высшего порядка к идеалистическому атеизму. Кроме того, данное предположение во многом может объяснить резкое увеличение (на 11 %) числа прозелитов движения, которые предлагают иные варианты ответов при характеристике своего мировоззрения. Этим же можно объяснить, почему данный вопрос стал наиболее «затруднительным» вопросом первого блока анкеты: 48 респондентов не дали ответа на него (11,2 % всех опрошенных против 5 % прошлой годней выборки).

Последний вопрос первого блока ставил своей целью определение общинного статуса присутствующих на купальском празднике. Данный вопрос вызвал затруднения у 47 опрошенных (11 % от общей совокупности). Преобладающее число язычников — 321 человек (74,5 %), не являются членами общины структуры. Соответственно, лишь 61 респондент (14,2 %) состоит в той или иной языческой организации. Название своего общинного объединения указали 52 респондента, 9 человек предпочли данную информацию не разглашать.

Обращаясь к анализу представленных структур, следует выделить две формы организации языческих сообществ: общинную и союзную. Согласно материалам опросных листов, на Купале 2015 г. присутствовали представители трех союзов: «Содружества общин «Велесов Круг», «Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры», «Круга Языческой Традиции». Первую организацию в своих анкетах указали 18 респондентов (4,2 %). При этом отмечалось как полное название содружества «Велесов Круг», так и аббревиатура организации — «ВК». При подсчете членов второго союза у исследовательской группы возникли проблемы, связанные с сокращениями респондентами названия организации. Принятая аббревиатура «ССО СРВ» в опросных листах не фигурировала, но встречались следующие сочетания: «ССО» — 2 респондента, «ООСРВ» — 2, «ССО РВ» — 1. Если отнести перечисленные названия к искомому союзу, то общая численность общинников «ССО СРВ», принявших участие в опросе, составляет 5 человек (1,16 %).

Следует отметить, что в анкетах встречались названия конкретных общин, входящих в союзы. Так, отмеченные общины: «Родолад» г. Астрахань, «Троесвет» г. Рязань, «Сварожичи» п. Яйва (Пермский край) (3 ответа), «Родолюбие» г. Москва, «Хоровод» г. Кострома, состоят в «Велесовом Круге». Соответственно, общая численность общинников данного содружества, согласно анкетным данным, составила 25 человек (5,8 %). Названия групп, входящих в «ССО СРВ», в собранном материале отсутствовали. «Круг Языческой Традиции» на Купале под Малоярославцем был представлен общинами «Велесье» г. Москва

(6 человек) и «Вятичи» г. Долгопрудный (1 человек) — всего 7 респондентов (1,6 %). Кроме того, среди единичных ответов встречались следующие: военно-исторический клуб «Княжий стяг» г. Коломна; историко-этнографический клуб «Белый Камень» г. Москва; община «Ярга» г. Нижний Новгород; «Сварга» г. Москва; «Ярга» г. Москва; «Родновер»; «Яра Сварга»; «Вежа»; «Макоша»; объединение «Дом Ясеня» г. Москва. Среди «нетрадиционных» ответов: «Определенная эзотерическая группа» (анкета № 218), «Общество поклонения НЛО» (анкета № 291), «Чингачгун» (анкета № 397).

Безусловно, особенностью состава участников праздника является весьма скромная доля представителей общинно-союзной среды в общем количестве прибывших на Купалу¹³. В причинах наблюдаемой индивидуализации еще только предстоит разобраться как исследователям феномена, так и самим последователям язычества XX–XXI вв.¹⁴ Однако, опираясь на вышеизложенное, можно говорить об определенном размывании религиозно-мировоззренческих ориентаций среди представителей современной языческой религиозности. Наблюдаемый терминологический бриколаж, характеризующий религиозные взгляды респондентов, на наш взгляд, напрямую связан со слабой институционализацией славянского язычества, что еще раз свидетельствует о пестроте и неоднородности данного феномена как по форме (в виде отсутствия развитой общинной структуры), так и по содержанию (в виде отсутствия у большинства адептов как догматических, так и обрядовых составляющих вероучения).

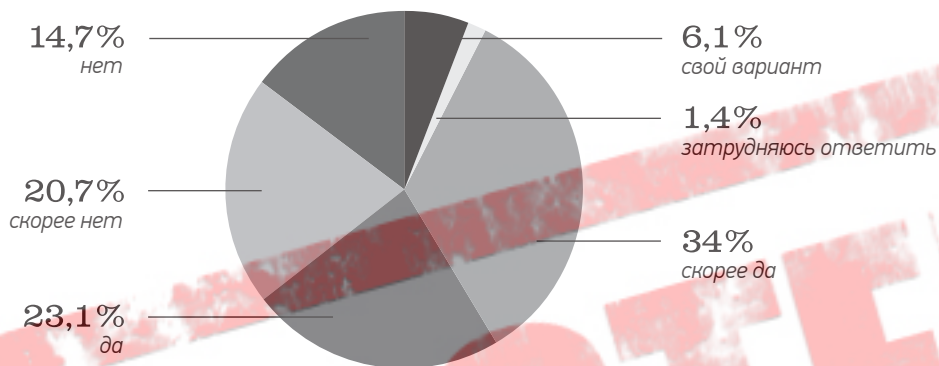
Второй блок анкеты, условно обозначенный как «институциональный», содержал пять вопросов. Основные задачи исследования вопросного блока № 2 заключались в выявлении функционала как языческой общины в целом, так и отдельных лидеров общины в частности. Особое место «институционального» блока занимает вопрос о перспективах и формах взаимодействия «младоязычников» с государственными институтами.

В первом вопросе второго блока перед респондентами ставилась задача по принятию либо отклонению гипотетической «языческой централизации» в масштабах страны.

Данный вопрос вызвал затруднение у шести респондентов (1,4 % опрошенных). Большинство язычников — 146 человек (34 %) — дали условно утвердительный ответ: «скорее да». Девяносто девять респондентов (23,1 %) заявили о необходимости создания централизованной структуры в масштабах страны.

89 участников опроса (20,7 %) высказались в пользу языческой децентрализации, выбрав вариант «скорее нет». 63 респондента (14,7 %) ответили однозначным отказом от централизованной модели устройства славянского языческого сообщества. 26 политеистов (6,1 %) предложили альтернативный вариант ответа. Среди последних наиболее интересными являются следующие: «Как боги рассудят, так люди сделают», «Славянское язычество идет своим путем, ему мешать не надо», «Структура обречена на провал из-за возникновения неравенства», «Если ее будут возглавлять славяне».

Должно ли современное славянское язычество иметь общую централизованную структуру в масштабах страны?

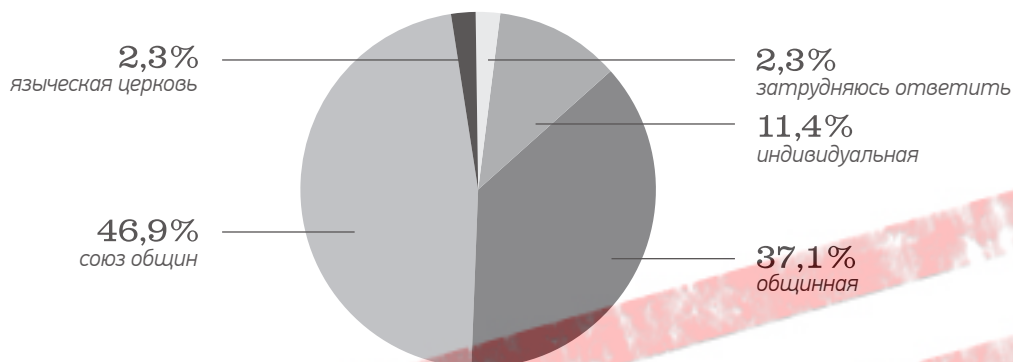


Таким образом, за централизацию славянского язычества, с различной долей вероятности («скорее да», «да»), высказались 245 участников (57,1 %) из 429 опрошенных на купальском празднике. Соответственно, в пользу региональной младоязыческой «автономии» проголосовали 152 человека (35,4 %). Следовательно, можно говорить о стремлении большинства современных язычников к централизованной структуре функционирования. Однако, несмотря на обозначенную «централизованную» позицию, только 14,2 % опрошенных заявили о своем членстве в языческих организациях. Как отмечалось выше, язычником-индивидуалом на празднике Купалы было подавляющее большинство — 74,5 %.

Второй вопрос блока был направлен на выяснение «институциональных» предпочтений современных язычников. Не дали ответа на вопрос десять респондентов (2,3%). Вариации ответивших распределились следующим образом. На первом месте оказался ответ «союз общин». Данное структурное образование в опросных листах выбрал 201 человек (46,9 %). На втором месте по популярности находится «община» — ей отдали предпочтение 159 язычников (37,1 %). За индивидуальный тип организационной структуры высказались 49 человек (11,4 %). Десять респондентов в качестве наиболее приемлемой организации языческого движения указали «языческую церковь»¹⁵.

Какая из организационных структур, по Вашему мнению, наиболее приемлема для современного славянского язычества?

Третий вопрос блока «обязаны ли языческие общины взаимодействовать с органами государственной власти?» показал, что преобладающее большинство опрошенных языч-



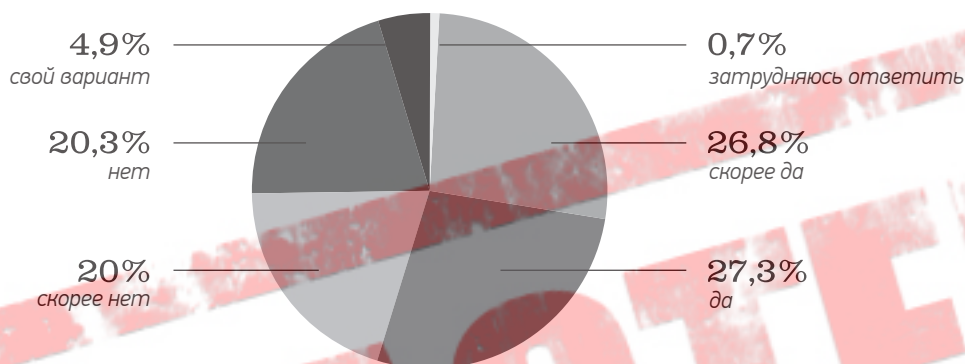
ников готовы к взаимодействию с государством. Сто пятнадцать человек (26,8%) в качестве варианта ответа указали «скорее да», 117 респондентов (большинство из опрошенных, 27,3 %) однозначно высказались за необходимость такого взаимодействия, выбрав вариант «да». Соответственно, в общей сложности 232 язычника (54%) можно отнести к сторонникам десекуляризационного направления новой религиозности. В свою очередь, за «религиозно-мировоззренческую» автономию высказались 173 респондента (40,3%), выбрав в качестве ответов варианты «скорее нет» — 86 человек (20%), и «нет» — 87 опрошенных (20,3%) соответственно. Стоит отметить, что данный вопрос вызвал затруднение всего у трех адептов движения (0,7%). Двадцать один язычник (4,9%) предложил свои варианты взаимодействия религиозного (языческого) и светского институтов. Среди ответов представителей политеистической религиозности фигурировали: «Желательно, но не всегда возможно», «Если это не противоречит правде и общине», «Религия и государство, разные вещи», «Как можно взаимодействовать с врагами?», «Государство противоречит славянству», «Общины — возможно, язычники вне политики», «Не обязаны, но могут».

По Вашему мнению, обязаны ли языческие общины взаимодействовать с органами государственной власти?

Четвертый вопрос второго блока анкеты был направлен на определение функциональных обязанностей лидера языческой общины. Из пяти вариантов ответов: «религиозная», «административная», «хозяйственная», «информационная» и «свой вариант», респондентам предлагалось выделить одну важнейшую функцию лидера «родноверческой» общины.

Данный вопрос вызвал затруднение у девяти респондентов (2,1%). Наибольшее число язычников в качестве определяющего вида деятельности указали на религиозную

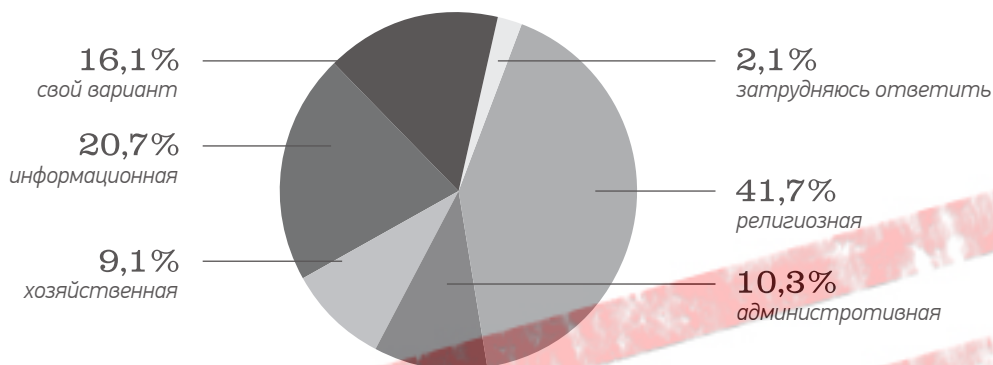
функцию. Данному варианту ответа отдали предпочтение 179 человек, что составило 41,7 %. Второе место, по мнению адептов движения, занимает информационная составляющая. За данную позицию проголосовали 89 респондентов (20,7 %).



Административную составляющую доминирующей функции общинного лидера выделили 44 человека, или 10,3 %. На последнем месте по популярности находится хозяйственная роль языческого «вождя». Как первостепенную ее выбрали 39 (9,1 %) присутствующих на празднестве. Стоит отметить, что 69 (16,1 %) респондентов предложили альтернативные варианты «лидерского функционала». Наиболее интересными из ответов, на наш взгляд, являются следующие: «лидер общин это и отец, и брат и князь», «сексуальное воспитание», «религиозно-общественная», «советчик по жизни», «своим примером являть правильный образ жизни», «обучение, наставление, делится опытом», «миро-творческая», «традициональная», «ведовская», «моральная», «великодушные».

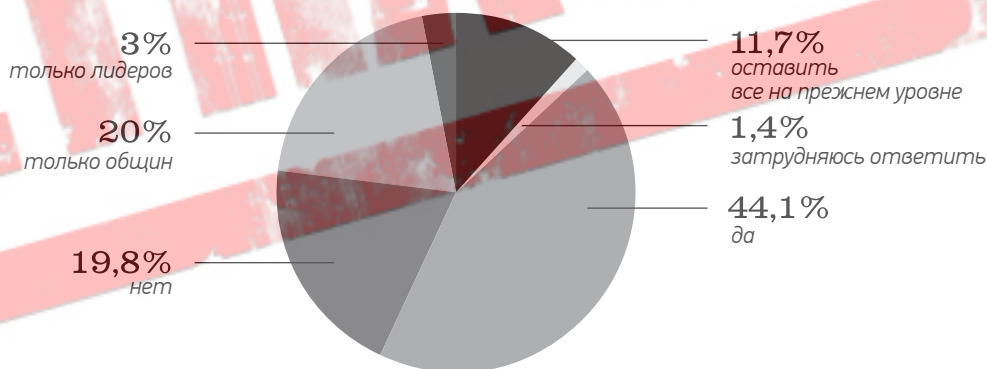
Укажите, какая из представленных функций является первостепенной для лидера языческой (родноверческой) общины:

Последний вопрос второго блока касался необходимости информационного освещения деятельности языческих организаций в целом, отдельных языческих лидеров в частности. Наибольшее число респондентов ответило однозначным согласием на широкое информационное освещение своей деятельности — 189 человек из 429, или 44,1 %. 85 язычников (19,8 %), напротив, высказались против вторжения медийного компонента в современное языческое сообщество. 86 респондентов (20 %) уверены в необходимости освещения деятельности общинных языческих институтов в целом. Среди ответивших присутствовали и те, кто считает необходимым освещать исключительно деятельность



отдельно взятых языческих персоналий — лидеров языческого движения. Суммарное число представителей «персоналистского» направления — 13 человек (3%). 50 человек (12 % от всех опрошенных) — представители «консервативного крыла» — считают, что нет необходимости в «информационных» преобразованиях. Данную группу устраивает вариант ответа «оставить все на прежнем уровне».

Необходимо ли широкое информационное освещение деятельности отдельных лидеров языческого движения, языческих общин?



Таким образом, опираясь на ответы блока № 2, можно сделать вывод о том, что большинство представителей исследуемого сообщества выступает за централизованную модель языческой диаспоральности. Наиболее востребованной институциональной формой является союз общин (более 45% язычников назвали данное образование в качестве предпочтительного). При этом стоит отметить, что только 14,2% опрошенных состоят в общинной организации, как таковой. Осмелимся предположить, что языческое

индивидуальное большинство (75 % респондентов не состоят в «родноверческих» организациях) готово стать членами как языческой общины, так и союза общин во всероссийском формате. Также достаточно показательным является тот факт, что данный вопрос стал одним из наиболее «затруднительных» закрытых вопросов анкеты: 11 % респондентов (47 человек из 429) не смогли по тем или иным причинам указать свой общинный статус. Кроме того, стоит обратить внимание на следующий вопрос анкеты, а именно, на определение «лидерского функционала». Наряду с религиозной деятельностью лидера общины как первоочередной, за которую высказалось 41,7 % респондентов, ключевые позиции занимает деятельность информационная (20,7 %) и административная (10,3 %), связанная непосредственно с работой на местах, по координированию деятельности региональных языческих образований. Выбор данных отраслей, на наш взгляд, свидетельствует об определенных внутренних проблемах в данных сферах языческого взаимодействия. Последнее является причиной присутствия на празднике большого количества внеинституциональных членов движения. При этом язычники-индивидуалы в качестве желаемого структурного устройства рассматривают именно языческий общинный институт, сильный и централизованный.

Третий вопрос анкеты, напротив, вызвал наименьшее затруднение среди опрошенных. Только трое язычников не высказали своего отношения к проблеме государственно-языческого взаимодействия. Между тем вопрос о десекуляризационных процессах в современном обществе является одним из самых дискуссионных в зарубежной и отечественной историографии¹⁶.

Исходя из данных проведенного опроса, можно сделать вывод и о том, что преобладающее число адептов «родноверия» на институциональном уровне готовы выйти из «языческого подполья» путем возвращения религиозной деятельности в публичное пространство. Инструментарий возвращения — широкое информационное освещение, с одной стороны, и централизованное взаимодействие с другой.

Таким образом, «дистилляция религиозного сознания»¹⁷ на макроуровне начинает трансформироваться в идею о «деприватизации»¹⁸ — возвращении религии в публичное пространство. Наблюдается наделение данной формы осознания мира социально значимой ролью в обществе. Иначе обстоит дело с микроуровневым компонентом, где по-прежнему наблюдается крипторелигиозное отношение к вере. В нем мировоззренческая составляющая выходит на первый план, оставляя далеко позади иные функции религиозного взаимодействия адептов.

¹ Синелина Ю. Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). — URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 09.09.2015); Россияне о ре-

лигии // URL: <http://www.levada.ru/24-12-2013/rossiyane-o-religii> (дата обращения: 21.08.2015); Празднование Масленицы // URL: <http://www.levada.ru/14-02-2015/prazdnovanie-maslenitsy> (дата обращения: 02.09.2015); Крещение // URL: <http://www.levada.ru/16-01-2015/kreshchenie> (дата обращения: 05.09.2015); Великий пост и Пасха // URL: <http://www.levada.ru/10-04-2015/velikii-post-i-paskha> (дата обращения: 18.08.2015).

² Прихожане 2013 // URL: <http://www.pravmir.ru/prihozhanе-2013-o-puti-v-xram-smerti-i-oskorblenii-religioznux-chuvstv-video/> (дата обращения: 06.09.2013).

³ Атлас религий России // URL: <http://sreda.org/ru/arena> (дата обращения: 20.09.2015).

⁴ Шиженский Р. В., Тютина О. С. Некоторые аспекты кодификации феномена современного славянского язычества по данным полевых исследований // *Colloquium heptaplomeres*. 2014. № 1. С. 86–95; Шиженский Р. В., Шляхов М. Ю. Письменные источники современных российских язычников по данным полевых исследований // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2015. № 8 (58): В 3 ч. Ч. III. С. 210–214. — Два человека считают себя язычниками-родноверами (анкеты № 39, 398). Стоит отметить, что по сравнению с аналогичным вопросом анкеты 2014 г., с 30 % до 25,9 % сократилась доля тех, кто ассоциирует себя именно с «родноверием», число самопровозглашенных язычников также уменьшилось с 34 % до 25,6 %. Но при этом на 1,5 % (с 6 % 2014 г. до 7,5 % 2015 г.) возросло количество респондентов, которые в качестве характеристики своих мировоззренческих ориентаций выбирают «атеизм». Также возросло число неоязычников, которые предлагают иные варианты ответов (на 18,8 % опрошенных 2014 г. приходится почти 29,8 % «Купалы 2015»).

⁵ Сложность определения процента православных христиан, участвующих в данном фестивале, заключается в распространенной среди последователей альтернативной религиозности подмене понятий, игре с терминами. Учитывая данную особенность, дефиниция «православный» может выступать в значении «Прав славящий» и т. д.

⁶ Пастафарианство — церковь летающего макаронного монстра.

⁷ Смутьский Е. В. К развитию вопроса о понятии «неоязычество» // *Colloquium heptaplomeres*. 2014. Вып. I: Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст. С. 24–33; Михеева И. Б. Неоязычество как религиозно-культурный феномен современности: проблема дефиниции // *Философия и социальные науки*. Научный журнал. Минск, 2010. № 2. С. 43–48; Шиженский Р. В. Язычество и неоязычество XX–XXI вв. (к вопросу о терминологии славянских вариаций «indigenous religions») // *Indigenous religions*. «Русь Языческая»: этническая религиозность в России и Украине XX–XXI вв. Н. Новгород, 2010. С. 6–17.

⁸ Анализ современного мифотворчества в новейших исследованиях по язычеству (критика статьи В. А. Шнирельмана «От "Советского народа" к "органической общности": образ мира русских и украинских неоязычников») / Зобнина С. В. и др. // *Libros*. — URL: <http://www.libros.am/book/read/id/272255/slug/analiz-sovremennogo-mifotvorchestva--v-novejshikh-issledovaniyakh-po-yazychestvu> (дата обращения: 04.08.2015); *Круг Языческой Традиции*. Царицынское обращение. — URL: <http://slavya.ru/delo/krug/05/neo.htm> (дата обращения: 04.08.2015); *Мезгирь 2002* — *Мезгирь*. Открытое письмо. Ответ «неоправославным», неоиудеям», а также «неожурналистам» и «неоисторикам» // В защиту древней Веры (Веды) русско-славянской. М., 2002. С. 16; *Русский дух и как его шельмуют* // *Дерево Жизни*. 2007. № 29. С. 2; Тютина О. С., Шиженский Р. В. Мифология и фольклор в нарративах идеолога неоязычества А. А. Добровольского // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. Новосибирск, 2015. № 44–45. С. 103–108.

⁹ Личная интернет-переписка Р. В. Шиженского с Г. С. Лозко от 13.05.2013, место жительства респондента — г. Киев.

¹⁰ Славянское Родноверие // *Тонкий Мир*. — URL: <http://tonkiimir.ru/topic1853-60.html> (дата обращения: 01.12.2010).

¹¹ Расшифровка аудиозаписи интервью Б. А. Гасанова (Богумила) Р. В. Шиженскому от 13.08.2011, место жительства респондента — г. Рязань.

¹² *Aitamurto K.* Academic Dissertation: Paganism, Traditionalism, Nationalism. Narratives of Russian Rodnoverie. Helsinki, 2011. С. 47; *Шереметьева В. Н.* Некоторые проблемы становления родноверия в современной исследовательской литературе. Проблема термина. Вестник Омского университета. Омск, 2014. № 1 (71). С. 73–77; *Гайдунов А.* Славянское новое язычество в России: опыт религиоведческого исследования // Центр религиоведческих исследований «Religiopolis». — URL: <http://religiopolis.org/religiovedenie/5730-rodnoverie.html> (дата обращения: 04.08.2015); *Кавыкин О. И.* «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М., 2007; *Элбакян Е. С.* Религии России. Словарь-справочник. М. 2014. С. 151–152. — «Легальность» дефиниции «родноверие» признана в ряде исследовательских работ. Примечательно, что в последних двух изданиях дефиниции «родноверие» и «неоязычество» выступают как синонимы.

¹³ Весьма показателен незначительный процент «общинников» от общего числа организаторов Купальского праздника — «Велесова Круга».

¹⁴ Велимир. Языческая Церковь. Кто За и кто Против? // Форум Самотека. — URL: <http://forum.samoteka.su/viewtopic.php?p=5751> (дата обращения: 05.08.2015). — Например, один из идеологов современного русского язычества Н. Н. Сперанский (волхв Велимир) считает, что причины нежелания потенциальных общинников объединяться в организационные формы заключаются в боязни жреческо-волховского диктата, посягающего на духовную свободу, и в возможных внутриобщинных денежных поборках, бьющих уже по материальному достатку язычника.

¹⁵ Одним из сторонников организации языческой церкви в настоящее время является Н. Н. Сперанский (волхв Велимир).

¹⁶ *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Peter L. Berger (ed.).* Washington, DC, 1999. P. 6. — В качестве «терминологического эталона» используется определение десекюляризации, используемое П. Бергером. Согласно мнению австрийского теолога, под последним следует понимать «возрождение религии и ее социетальное влияние в ответ на секуляризацию». Однако, будучи теоретиком крайней концепции секуляризации, спустя несколько десятилетий П. Бергер заявил, что «большая часть мира сегодня не является светской. Она очень даже религиозна», тем самым опровергая выдвигаемый ранее тезис о практически универсальном характере описываемого явления.

¹⁷ *Шишков А.* Некоторые аспекты десекюляризации в постсоветской России. Государство, религия, церковь. 2012. № 2 (30). С. 165–177.

¹⁸ *Карпов В.* Концептуальные основы десекюляризации // Государство, религия, церковь. 2012. № 2 (30). С. 115–164.

УДК 298.9

Шиженский Р. В., Тютина О. С. Самоидентификация славянских язычников: социальный портрет, государство и образ лидера (по данным полевых исследований) // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 199–212.

АННОТАЦИЯ: Исследование построено на основе данных, полученных в ходе анкетного опроса рядовых членов современных языческих общин. С 17 по 23 июня 2015 г. члены научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения

в современной России и Европе» Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина проводили анкетирование среди рядовых членов современных языческих общин, собравшихся на празднование Купальского праздника. В данной статье представлены результаты части «фактологического» опросного блока. Целью последнего являлось: во-первых, определение общинного статуса присутствующих на купальском празднике; во-вторых, анализ самоидентификации религиозных взглядов представителей язычества XXI в. Также в работе представлены данные блока «институционального». Основные задачи исследования вопросного блока № 2 заключались в выявлении функционала как языческой общины в целом, так и отдельных лидеров общины в частности. Особое место «институционального» блока занимает вопрос о перспективах и формах взаимодействия современных язычников с государственными институтами. На основании полученных данных, авторы производят анализ религиозной и организационной самоидентификации неоязычников, перспектив и форм взаимодействия «родноверов» с государственными институтами, рассматривают функциональный образ языческих лидеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неоязычество, полевые исследования, нетрадиционная религиозность, родноверие, самоидентификация, институционализация, праздник Купалы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Шижженский Р. В. — кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия); heit@inbox.ru | Тютина О. С. — аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия); o.tyutina@mail.ru

Shizhensky R. V., Tyutina O. S. Identification of the Slavic Pagans: Social Portrait, State and Leader's Image According to Field Studies

ABSTRACT: The study is based on data derived during the of questioning the ordinary members of modern pagan communities. From 17 to June 23, 2014 members of the research laboratory «New religious movements in modern Russia and Europe,» Nizhny Novgorod State Pedagogical University Kozma Minin conducted a survey with the the ordinary members of modern pagan communities who gathered to celebrate Ivan Kupala festival. This article shows the results of the «factual» questionnaire block. The purpose of block was, first, to determine the status of the community attending the Ivan Kupala celebration, and secondly, to determine the religious views of representatives of paganism the 21th century. The article also discusses the data from the «institutional» block. The main objectives of the research question block N 2 is to identify functional as the pagan community as a whole, and individual community leaders in particular. A special place «of institutional» block is the question of the prospects and forms of interaction of modern pagans with the state institutions. Based on these data, the authors analyze the religious and organizational identity neo-pagans, perspectives and forms of interaction «Rodnovers» with state institutions, considered a functional way of the pagan leaders.

KEYWORDS: paganism, field research, non-traditional religious Rodnoverie, identity, institutionalization, Kupala day.

AUTHORS: R. V. Shizhenskiy — Candidate of History, Associate Professor, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russia); heit@inbox.ru | O. S. Tyutina — Ph. D. student, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russia); o.tyutina@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Sinelina Yu. Religioznost' v sovremennoj Rossii, *Otechestvennye zapiski*, no. 1 (52), 2013.
- ² Shizhenskiy R.V., Tyutina O.S. 'Nekotorye aspekty kodifikacii fenomena sovremennogo slavjanskogo jazychestva po dannym polevyh issledovanij', *Colloquium heptaploeres*, no. 1, 2014.

³ Shizhenskiy R. V., Shlyahov M. Yu. 'Pis'mennye istochniki sovremennyh rossijskih yazychnikov po dannym polevyh issledovanij', *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 8 (58), 2015.

⁴ Smulskiy E. V. 'K razvitiyu voprosa o ponyatii «neoyazychestvo»', *Colloquium heptaplomeres*, no. 1, 2014.

⁵ Mikheeva I. B. 'Neoyazychestvo kak religiozno-kul'turnyj fenomen sovremennosti: problema definicii', *Filosofskie i social'nye nauki*, no. 2, 2010.

⁶ Shizhenskiy R. V. 'Yazychestvo i neoyazychestvo XX–XXI vv. (k voprosu o terminologii slavyanskih variacij «indigenous religions») in *Indigenous religions. «Rus Yazycheskaya»: etnicheskaya religioznost' v Rossii i Ukraine XX–XXI* (Nizny Novgorod, 2010).

⁷ 'Mezgir. Otkrytoe pis'mo. Otvet «neopравoslavnyim», neoiudeyam», a takzhe «neozhurnalistam» i «neoistorikam», *Russkij duh i kak ego shel'muyut in Derevo Zhizni*, no. 29, 2007.

⁸ *V zashchitu drevnej Very (Vedy) russko-slavyanskoj* (Moscow, 2002).

⁹ Tiutina O. S., Shizhenskiy R. V. 'Mifologiya i fol'klor v narrativah ideologa neoyazychestva A. A. Dobrovol'skogo', *Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*, no. 44–45, 2015.

¹⁰ Aitamurto K. *Academic Dissertation: Paganism, Traditionalism, Nationalism. Narratives of Russian Rodnoverie* (Helsinki, 2011).

¹¹ Sheremetieva V. N. 'Nekotorye problemy stanovleniya rodnoveriya v sovremennoj issledovatel'skoj literature. Problema termina', *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 1 (71), 2014.

¹² Kavykin O. I. «Rodnoverie». *Samoidentifikaciya neoyazychnikov v sovremennoj Rossii* (Moscow, 2007).

¹³ Elbakyan E. S. *Religii Rossii in Slovar'-spravochnik* (Moscow, 2014).

¹⁴ *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*, ed. Peter L. Berger (Washington, 1996).

¹⁵ Shishkov A. 'Nekotorye aspekty desekulyarizacii v postsovetskoj Rossii', *Gosudarstvo, religiya, cerkov*, no. 2 (30), 2012.

¹⁶ Karpov V. 'Konceptual'nye osnovy desekulyarizacii', *Gosudarstvo, religiya, cerkov*, no. 2(30), 2012.